

RECITAL OF
**VLADIMIR
ASHKENAZY**

LUDWIG VAN BEETHOVEN
Piano Sonatas Nos 17 & 18

FRÉDÉRIC CHOPIN
Ballades Nos 1–3

CLAUDE DEBUSSY
La sérénade interrompue

МЕЛОДИЯ

First time on CD

RECORDED AT THE GRAND HALL
OF THE MOSCOW CONSERVATORY
ON JUNE 9, 1963

*В огромный айсберг вмержшее пианино,
Мелкая оспа кварца в гранитной вазе,
Не способная взгляда остановить равнина,
Десять бегущих пальцев милого Ашкенази...*

Цитированные строчки – фрагмент из «Римских элегий» Иосифа Бродского, сочиненных в 1981 году. К тому времени Владимир Ашкенази, чье исполнительское искусство было хорошо знакомо поэту, был всемирно известным музыкантом – пианистом и дирижером; однако головокружительную карьеру на Западе ему пришлось начинать с чистого листа.

Родившийся в семье известного эстрадного пианиста (Давид Ашкенази работал с лучшими представителями «легкого» жанра в СССР – Вадимом Козиным, Изабеллой Юрьевой, Клавдией Шульженко, Иосифом Кобзоном) Владимир рано проявил выдающиеся музыкальные способности. Благодаря матери он попал в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории в класс замечательного педагога Анаиды Сумбатьян (у нее учились Владимир Крайнев, Нина Коган, Константин Орбелян), прививавшей своим воспитанникам безупречный вкус, чувство стиля и максимальную строгость к самим себе. Наставником юного пианиста в консерватории стал Лев Оборин – легендарный победитель I Международного конкурса имени Ф. Шопена в Варшаве (в 1955 году Владимир Ашкенази был удостоен серебряной медали на этом состязании, при этом некоторые члены жюри отказались подписать протокол, считая, что музыкант достоин первого места). В следующем году имя В. Ашкенази встанет в один ряд с именами Д. Ойстраха, Э. Гилельса и Л. Когана – обладателей Гран-при Международного конкурса королевы Елизаветы в Брюсселе; после конкурса состоялись его успешные гастроли в США. При отборе советских участников I Международного конкурса имени П. И. Чайковского Владимир Ашкенази был одним из главных претендентов на золотую медаль, однако от участия в конкурсе

он отказался. Но одержал убедительную победу на Втором конкурсе (1962), разделив главный приз с англичанином Джоном Огдоном. Год спустя Владимир Ашкенази выступил в Лондоне и принял решение не возвращаться в Советский Союз. В следующий раз он выступил в нашей стране лишь четверть века спустя и с тех пор регулярно появлялся Москве и Санкт-Петербурге (в 2015 году специальным указом президента РФ Владимиру Ашкенази было присвоено российское гражданство).

Уже в 1970-е годы В. Ашкенази обладал репутацией одного из ведущих пианистов мира с необычайно широким репертуаром. Полвека он сотрудничал с крупнейшей британской звукозаписывающей фирмой *Десса*, среди его записей – полные собрания фортепианных сочинений Рахманинова, Шопена, Скрябина, все фортепианные концерты Моцарта, Брамса, Бартока, Прокофьева и Шостаковича, все сонаты и концерты, а также ансамблевые сонаты и фортепианные трио Бетховена. Владимир Ашкенази исполнял «*Хорошо темперированный клавир*» И. С. Баха, сонаты Гайдна, циклы Шумана, этюды Листа, пьесы Равеля и Дебюсси... В 1974 году пианист был удостоен первой из семи премий «*Грэмми*».

Но сохранившиеся студийные и концертные записи «советского» периода творческой биографии артиста подтверждают: с первых шагов пианистической деятельности Владимир Ашкенази заявил о себе как музыкант с ярко выраженным, индивидуальным «почерком»; к началу 1960-х годов он обрел подлинную зрелость, не меркнувшую на фоне крупнейших мастеров фортепианного искусства того времени. «*Его фортепианная игра блестяща и пронзительна, с четкой артикуляцией и интеллектуальной глубиной, которая, однако, не мешает демонстрации полноты чувств. Он обладает тончайшей градацией звукового колорита*» – эта характеристика пианизма В. Ашкенази, принадлежащая американскому музыкальному критику Дж. Манхайму, будет справедливой и к его выступлениям и к ранним записям.

Концерт 9 июня 1963 года в Большом зале Московской консерватории стал одним из последних выступлений Владимира Ашкенази в Москве. Его программа – сонаты Бетховена, баллады Шопена и пьесы Дебюсси – отражала исполнительские пристрастия молодого пианиста. Четыре баллады Шопена стали кульминацией концерта, именно с шопеновской программой, будучи еще учеником ЦМШ, он в 1955 г. дебютировал на сцене Большого зала. Блестящая виртуозность, бурный романтический темперамент, способность к внезапным эмоциональным «переключениям», без которой невозможна подлинная исполнительская передача этих уникальных и своеобразных сочинений; яркие вспышки драматических эпизодов, светлый, возвышенный мир лирических образов и надо всем – уверенное чувство целого, безупречность конструктивной логики, скрытая за внешней спонтанностью эмоциональных порывов. В исполнении Ашкенази трудно выделить «лучшую» – каждая из баллад захватывает индивидуальностью художественного целого; сыгранный в одном концерте полный «миницикл» (к сожалению, фонограмма последней баллады, как и «*Острова радости*» и «*Лунного света*» Дебюсси, не сохранилась) это уже целое высшего порядка, через спектр жанровых инвариантов проступают общие корни этой гениальной, но все же столь субъективной для каждого исполнителя музыки.

Несколько необычно прозвучали две бетховенские сонаты из опуса 31: для русской исполнительской школы характерно более «академичное» (в высоком значении этого слова) исполнение Бетховена, в те годы представленное выдающимися трактовками Э. Гилельса, С. Рихтера, М. Гринберга. Сдержаннее звучат и более поздние записи сонат самого Ашкенази, осуществленные в 1978 году в Лондоне. Впрочем, романтизированный Бетховен («одиночка и бунтарь») охотно находил отклик у советского слушателя; в мятежно порывистой «сонате с речитативом» (№ 17) потенциальный романтизм как будто сам ищет выхода в исполни-

тельской трактовке; но даже светлая, оваянная пасторальными мотивами Соната № 18, выдерживает подобную заостренность интерпретации – в ее неожиданных сюжетно-эмоциональных остановках и «поворотах» пианист расслышал шумановские черты, и вот уже перед нами музыка, «сочиненная Флорестаном и Эвсебием».

В прелюдии «Прерванная серенада» пианист обостряет контрасты; в своей утрированности «поединок» серенадами становится удивительно рельефным, зримым, заставляя вспомнить о карнавальных образах Сезанна.

Борис Мукосей

*A piano frozen in a giant iceberg,
quartz smallpox in a granite vase,
no able glance to halt the countryside,
ten fleeing toes of the dear Ashkenazy...*

The cited lines are a fragment from Joseph Brodsky's *Roman Elegies* written in 1981 when Vladimir Ashkenazy, whose performing art was well known to the poet, was a world-famous pianist and conductor. However, there was a time when he had to start his meteoric career in the West from scratch.

Born in the family of a famous variety pianist (David Ashkenazy worked with some of the best representatives of domestic light music such as Vadim Kozin, Isabella Yurieva, Klavdiya Shulzhenko and Iosif Kobzon), Vladimir showed his outstanding musical capabilities at a young age. Thanks to his mother, he entered the Central Music School of the Moscow Conservatory where he studied under the remarkable teacher Anaida Sumbatian (Vladimir Krainev, Nina Kogan and Konstantin Orbelian were among her pupils) who implanted an impeccable taste, a sense of style and severe self-discipline in them. Lev Oborin, the legendary winner of the 1st Chopin International Competition in Warsaw, became the young pianist's Professor at the conservatory (in 1955, Vladimir Ashkenazy was awarded the silver medal in the same competition, while a number of judges refused to sign the protocol, believing that the musician deserved the first award). Next year, Ashkenazy's name was on a par with the likes of David Oistrakh, Emil Gilels and Leonid Kogan, all of whom had received the Grand Prix of the Queen Elisabeth International Competition in Brussels. After the competition, he had a successful tour of the United States. He was thought to be one of the main Soviet contenders for the gold medal of the 1st Tchaikovsky International Competition, but he eventually refused to participate. Nevertheless, he gained a convincing victory in the 2nd Competition in 1962, sharing the top award with the English pianist John Ogdon.

A year later, Vladimir Ashkenazy played in London and decided not to return to the Soviet Union. His next appearance in this country took place a quarter of a century later. Since then he has regularly visited Moscow and St. Petersburg. In 2015, by a special decree of the President of the Russian Federation, Vladimir Ashkenazy was granted Russian citizenship.

Already in the 1970s, Ashkenazy had a reputation of one of the world's leading pianists and had an uncommonly extensive repertoire. He collaborated with *Decca*, one of the UK's largest record labels, for fifty years. His recordings include complete piano works by Rachmaninoff, Chopin and Scriabin, all piano concertos by Mozart, Brahms, Bartók, Prokofiev and Shostakovich, and Beethoven's complete sonatas, concertos, ensemble sonatas and piano trios. Vladimir Ashkenazy performed *The Well-Tempered Clavier* by J.S. Bach, Haydn's sonatas, Schumann's cycles, Liszt's etudes and pieces by Ravel and Debussy. In 1974, the pianist was awarded the first of his seven *Grammy Awards*.

However, the studio and live recordings made by the pianist in the Soviet period are indicative of his pronounced, individual style he showcased from the first steps of his career. By the early 1960s, he had become a genuine mature master, who did not sound pale against the background of the greatest piano performers of the time. "*His piano playing is bright and incisive, with clear articulation and an intellectual depth that does not interfere with the production of warm feeling. He has exceptional control over tone color*". These words of the American reviewer James Manheim could also be referred to Ashkenazy's early performances and recordings.

The recital of 9 June 1963 at the Grand Hall of the Moscow Conservatory was one of Vladimir Ashkenazy's last appearances in Moscow. The programme comprised Beethoven's sonatas, Chopin's ballades and Debussy's pieces and reflected the young pianist's performing predilections. The four Chopin ballades were the culmination of the recital. Incidentally, when still a pupil of the Central Music School, he debuted on the stage of the Grand Hall in 1955 with a Chopin

programme. This recording is evidence of his brilliant virtuosity, indomitable romantic temper, ability for sudden emotional “switchings”, without which the true performing communication of these unique and peculiar pieces is impossible; the bright flashes of dramatic bits, an inspiring and sublime world of lyrical images, and above all – a confident sense of the whole, the impeccability of constructive logic concealed behind the external spontaneity of emotional impulses. In Ashkenazy’s case, it is difficult to name the “best” piece – each of the ballades captures the individuality of the artistic whole. However, the complete “mini-cycle” played within one recital (unfortunately, the recordings of the last ballad and Debussy’s *Joyful Island* and *Moonlight* have not survived) is a higher-order whole. The common roots of this great yet so subjective music show through the spectrum of genre invariants.

Two Beethoven sonatas from Opus 31 were interpreted in an unusual way: the Russian performing school is mostly known for a more “academic” (in the high sense of the word) performance of Beethoven, represented in those years by the outstanding interpretations of Emil Gilels, Sviatoslav Richter and Maria Grinberg. Ashkenazy’s later recordings of the sonatas made in 1978 in London sound more restrained. However, the romanticized Beethoven (“*the loner and the rebel*”) received a ready response from the Soviet listeners. The potential romanticism of the rebelliously impulsive “*sonata with a recitative*” (No. 17) seems to be looking for an outlet in the performer’s interpretation. But even the heartwarming Sonata No. 18 with its bucolic tunes withstands a similarly sharp interpretation – the pianist heard the Schumann features in the unexpected stops and twists of the plot and emotion, and what we have before us is the music “*composed by Florestan and Eusebius*”.

The pianist sharpens contrasts in the prelude *Interrupted Serenade*; the “duel” of serenades, sounding so grotesque, becomes surprisingly vivid and visible, making us recall Cézanne’s carnival images.

Boris Mukosey

Людвиг ван Бетховен

Соната для фортепиано № 17 ре минор, соч. 31 №2

1	I. Largo – Allegro	8.59
2	II. Adagio	8.20
3	III. Allegretto	7.10

Соната для фортепиано № 18 Ми-бемоль мажор, соч. 31 №3

4	I. Allegro	8.30
5	II. Scherzo. Allegretto vivace	4.51
6	III. Menuetto. Moderato e grazioso	4.04
7	IV. Presto con fuoco	4.33

Фредерик Шопен

8	Баллада № 1 соль минор, соч. 23	9.00
9	Баллада № 2 Фа мажор, соч. 38	7.40
10	Баллада № 3 Ля-бемоль мажор, соч. 47	7.12

Клод Дебюсси

11	«Прерванная серенада», L. 117 № 9	2.50

Общее время: 73.18

Владимир Ашкенази, *фортепиано*

Запись с концерта из Большого зала Московской консерватории
9 июня 1963 г.

Звукорежиссер – Игорь Вепринцев

Ремастеринг – Максим Пилипов

Руководители проекта: Андрей Кричевский, Карина Абрамян
Выпускающий редактор – Татьяна Казарновская

Дизайн – Ильдар Крюков

Перевод – Николай Кузнецов

Ludwig van Beethoven

Piano Sonata No. 17 in D minor, Op. 31 No. 2

1	I. Largo – Allegro	8.59
2	II. Adagio	8.20
3	III. Allegretto	7.10

Piano Sonata No. 18 in E-flat major, Op. 31 No. 3

4	I. Allegro	8.30
5	II. Scherzo. Allegretto vivace	4.51
6	III. Menuetto. Moderato e grazioso	4.04
7	IV. Presto con fuoco	4.33

Frédéric Chopin

8	Ballade No. 1 in G minor, Op. 23	9.00
9	Ballade No. 2 in F major, Op. 38	7.40
10	Ballade No. 3 in A-flat major, Op. 47	7.12

Claude Debussy

11	<i>La sérénade interrompue</i> , L. 117 No. 9	2.50
----	---	------

Total time: 73.18

Vladimir Ashkenazy, *piano*

Recorded at the Grand Hall of the Moscow Conservatory on June 9, 1963.

Sound engineer – Igor Veprintsev

Remastering – Maxim Pilipov

Project supervisor – Andrey Krichevskiy

Label manager – Karina Abramyan

Release editor – Tatiana Kazarnovskaya

Design – Ildar Kryukov

Translation – Nikolai Kuznetsov

MEL CD 10 02586